

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

4. Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений/Изд. подг. С. Шервинский, М. Гаспаров; отв. ред. М. Гаспаров. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
5. Тронский, И.М. История античной литературы/И.М. Тронский. – 3-е изд., исправ. – Л.: Учпедгиз, 1957. – 486 с.
6. О возвышенном/Перевод Н.А. Чистяковой. – М.-Л.: Наука, 1966. – 150 с.
7. Феокрит. Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы/Пер. и комм. М.Е. Грабарь-Пассек. Отв. ред. Ф.А. Петровский. – М.-Л.: АН СССР, 1958. – 328 с.
8. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т./Изд. подг. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. Отв. ред. С. С. Аверинцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 2. – 672 с.
9. Тит Лукреций Кар. О природе вещей/Пер. Ф. А. Петровского, вступ. ст. Т. В. Васильевой. – М.: Худ. лит-ра, 1983. – 384 с.
10. Лосев, А.Ф. Античная литература: Учебник для высш. шк; Под ред. А.А. Тахо-Годи. – 6-е изд., исправл. – М.: ЧеРо; Мн.: Асар, 2001. – 543 с.
11. Валерий Катулл. Альбий Тибулл. Секст Проперций/Под ред. Ф. Петровского. – М.: ГИХЛ, 1963. – 512 с.
12. Гаспаров, М.Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика/М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – 480 с.
13. Галасы з-за небакраю: анталогія паэзіі свету ў беларускіх перакладах XX ст./склад. М. Скобла; уступны артыкул Е. Лявонай, навук. рэд. Л. Баршчэўскі. – Мн.: Лімарыус, 2008. – 896 с.

Н.И. Павлова

МАТЕРИНСКИЙ НАРРАТИВ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Женщине следует понять, что она является лишь сценой, на которой разыгрывается драма взаимоотношений матери и дочери, а вовсе не актрисой, исполняющей ту или иную роль

(Сибилл Биркхойзер-Оэри. «Мать: Архетипический образ в волшебной сказке»)

Функционирование материнско-дочернего сюжета в женских художественных текстах стало предметом пристального внимания приблизительно в 1980-е гг. в связи с возникновением и бурным развитием на Западе гендерных исследований. Имманентные женскому авторству, материнско-дочерние линии повествования всегда присутствовали в произведениях писательниц разных историко-литературных периодов. Обозначившись в текстах первой половины XIX в. (Е.А. Ган, М.С. Жуковой, Н.А. Дуровой, А.Я. Панаевой, А.Я. Марченко и др.), проблема отношений дочери и матери приобретает социально-психологическую значимость в женском творчестве 1850–1860-х гг. в связи с появлением в жизни и в литературе типа «новой женщины» [19, с. 441–487]. Заметные изменения в развитии данного сюжета наблюдается в женской прозе конца XIX – начала XX в., когда образ матери, равно как и концепт материнства, становится предметом многосторонней авторской рефлексии в контексте размышлений о путях женской самореализации (примером может служить творчество М.В. Крестовской, Е.П. Летковой, Н.П. Анненковой-Бернард и др. [9]). В этот период более явственно заявляет о себе психологическая составляющая проблемы взаимоотношений между матерью и дочерью. Наконец, наиболее отчетливо материнско-дочерние линии повествования выделяются в современной женской прозе (в разной степени они присутствуют в текстах многих известных писательниц – Г. Щербаковой, Л. Петрушевской, Н. Горлановой, Д. Рубиной, М. Вишневецкой, И. Полянской, О. Славниковой, М. Степновой, И. Васильковой и др.).

Данные наблюдения побуждают к размышлению над целым рядом вопросов. Какие смыслы заключает этот «погруженный» сюжет? Грани какого опыта (индивидуального, коллективного) в нем артикулированы? В женских повествованиях с выраженной амбивалентностью дочерне-материнских чувств разыгрываются, как правило, одни и те же, одинаково организованные материнские сценарии. Материнское чувство любви и опеки всегда подчеркнуто гипертрофировано или эгоистично. Чрезмерно эмоциональная поддержка превращаются в сверхопеку и гиперконтроль по отношению к дочери. Матери оказывают деструктивное влияние на дочернее сознание, подчиняя своей воле, навязывая собственные ценности и всячески препятствуя жизненному выбору дочери, сдерживая любые проявления ее самостоятельности. Если прибегнуть к мифопоэтической символике, описывающей материнско-дочернюю связь, то в нарративно-актантной модели «мать-дочь» отчетливо просматривается семантическая структура устойчивой мифологии Деметры/Персефоны. Однако миф о Деметре и Персефоне, являющийся базовым в феминистской теории [3], представлен в искаженном виде: Персефона не принимает, отталкивает Деметру в ее неистовом стремлении завладеть дочерним сознанием. Между тем в изображении дочерних чувств также превалиру-

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Оппозиция «свой – чужой»

ют спорящие друг с другом чувства одновременного сопротивления матери и сильной привязанности к ней. В этом смысле слова психоаналитика-юнгианца С. Биркхойзер-Оэри, взятые в качестве эпиграфа, о том, что женщина это «сцена» [1, с. 45], на которой разворачивается драма ее отношений с матерью, как нельзя точно соответствуют репрезентируемой писательницами ситуации.

Объектная позиция матери в сознании героини оказывается чрезвычайно важной для трактовки материнского образа с точки зрения психоаналитического подхода. По справедливому замечанию М. Хирш, «...любое направление в области изучения материнско-дочерних взаимоотношений в литературе должно включать психоаналитический подход, который мог бы пролить свет на психическую сложность этого взаимодействия и предложить воздействие этой сложности на конструирование литературных сюжетов» [16, с. 18]. Так, например, в концепции юнгианской психологии объектный статус материнского образа в женских текстах соответствует термину «внутренняя мать», без которого немислим анализ материнско-дочерней образности, как, впрочем, и репрезентации внутрисемейных отношений в литературе.

Такой ракурс художественного видения проблемы мы обнаруживаем в творчестве разных писательниц. Примером может служить литературное наследие одной из ныне забытых писательниц конца XIX – начала XX в. Е.П. Летковой (1856–1937), в творчестве которой проблема материнско-дочерних отношений носит устойчивый характер. По признанию самой писательницы, вопрос о «разладе» [5, с. 456-457] между матерью и дочерью всегда волновал ее. Конфликт «мать – дочь» в текстах Летковой представлен главным образом как конфликт дочернего сознания.

В наиболее выразительном рассказе писательницы на эту тему под названием «Отдых» (1896) представлена история 42-летней одинокой телеграфистки, окончившей жизнь самоубийством из-за нарастающего ощущения бессмысленности своего незаметного существования. По ходу повествования становится понятной главная причина, подвигнувшая героиню к совершению такого поступка, – это ее внутренний конфликт с матерью, подчиняясь запретам которой, уже взрослая дочь так и не смогла устроить свою личную жизнь и «одиноко задавила» [6, с. 188] в себе не одно любовное чувство. Представление героини о матери ассоциируется с властью, запретом и несвободой. В тексте неоднократно подчеркивается, что Марья Ниловна всегда действовала из «боязни огорчить мать» [6, с. 193]. Героиня «ради боязни огорчить мать» (выделено мною. – Н. П.), два раза в жизни убила в себе чувство, не позволила себе увлечься ни на минуту, постоянно держала себя в руках» [6, с. 193]. Эта фраза приобретает значение формулы и для характеристики других женских персонажей Летковой.

Сходную художественную интерпретацию материнско-дочернего конфликта, где материнская фигура наделена эгоистическим желанием распоряжаться собственными дочерьми, мы встречаем в творчестве М.В. Крестовской – писательницы особенно популярной в период конца XIX – начала XX в., для творческого сознания которой проблема материнско-дочерних взаимоотношений столь же значима и лейтмотивна. В повести «Вне жизни» (1887) история героини полностью детерминирована влиянием матери на ее дочернюю идентичность. Женечка Лидова (так зовут главную героиню) вынуждена повторить жизненный путь своей овдовевшей матери – классной дамы и навсегда остаться в стенах института, постепенно превращаясь из когда-то юной его воспитанницы в озлобленную старую деву-инспектрису. Привыкшая к размеренному институтскому существованию мать не желает отпустить от себя дочь, всячески внушая ей страх перед самостоятельной жизнью. В свою очередь, «привычка к материнскому авторитету» [4, с. 207] побуждала дочь слепо верить в правоту матери.

Заданный вектор развития темы находит продолжение в женской литературе XX в., подтверждением чему может служить творчество Л. Петрушевской. В романе «Время ночь. Записки на краю стола» (1991) взаимоотношения между матерью и дочерью целиком построены на взаимозависимости и сопряжены с теми же мотивами *силы/бессилия, подавления/сопротивления*, что и в рассмотренных нами текстах писательниц-предшественниц. Автором показано, как созидательная материнская сила оборачивается разрушительной своей стороной, а чувство любви и опеки граничит с авторитарностью и деспотизмом. Материнское начало, воплощенное в образе главной героини Анны, живущей заботами о взрослой дочери и ее семье, репрезентировано в категориях неограниченной власти и эгоизма. Она мешает своей дочери обрести собственную женскую идентичность, обращая на нее свой гнев и ревность, как только та по мере взросления начинает совершать первые попытки вырваться за пределы материнского контроля. Однако важным оказывается еще и то, что героиня проецирует на дочь свои собственные взаимоотношения с матерью («...о ненависть тещи, ты ревность и ничто другое, моя мать сама хотела быть объектом любви своей дочери, то есть меня, чтобы я только ее любила, объектом любви и доверия...» [10, с. 326] – признается Анна в своем дневнике).

Возникающий таким образом мотив повторения, непрерывности женского опыта перекликается с наблюдением феминистского психоанализа о том, что мать является как дочерью своей матери, так и матерью своей дочери (эта мысль о двойной идентификации звучит в работах Н. Чодороу [14], Л. Иригарей [3]).

Травма дочерней «неотделенности» и возвращения к материнскому достигает своего апогея в романе современной писательницы О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» (1997),

Гендерная проблематика в литературе и искусстве. Опозиция «свой – чужой»

представляющим собой своего рода художественную иллюстрацию психоанализа материнско-дочерних отношений. Симбиотическая связь матери и дочери в романе буквально носит подчеркнуто психофизиологический характер. Жизненное пространство 35-летней одинокой Катерины Ивановны, героини романа, заполнено матерью, пропитано материнским («...больше всего там было, конечно, от матери...» [13, с. 13] и не имеет собственных границ с тех пор, «как детство Катерины Ивановны кончилось, а взрослая жизнь так и не началась» [13, с. 16]. В этом тексте мы встречаемся все с теми же мотивами, описывающими амбивалентную дочерне-материнскую связь на уровне любви/ненависти, но здесь они доведены до крайности и изображены как будто увиденными автором через увеличительное стекло (такой способ предельно детализированного дескриптивного письма отобразился и в самом названии романа).

Таким образом, в материнском поведении проявляется описанный в психоанализе феномен двойной идентификации, когда, как пишет по этому поводу Н. Чодороу, «матери воспринимают дочерей как единое с самим собой <...>» [14, с. 56]. Вместе с тем, трагедия дочерей не только в том, что они становятся жертвой материнского эгоизма, но и в их готовности подчинить свою личность материнской. Образы дочерей детерминированы слитностью с матерью, психологической несамостоятельностью. Героини живут с постоянной оглядкой на мать, ощущая свое сращение с ней. К характеристике персонажей-дочерей весьма точно подходит определение, встречающееся в психологической литературе, когда взрослый человек не в состоянии разорвать «психическую плаценту» [8, с. 43] матери.

В работах ведущих представителей психоанализа прослеживается мысль о том, что девочке намного сложнее, чем мальчику, «отмежеваться» от матери, чтобы обрести самостоятельность, поскольку она «идентифицируется со своей матерью <...> для того чтобы достичь своей женской идентификации и освоить свою взрослую, обусловленную полом роль. При этом она должна быть достаточно дифференцирована, чтобы взрослеть и ощущать себя в качестве отдельного индивидуума, то есть преодолеть первичную идентификацию» [14, с. 35].

Помимо эдипальной стадии, когда девочке необходимо «отказаться» от матери как объекта в пользу инстанции Отца, в качестве следующей по силе отказа от материнского объекта в психоанализе выделяется так называемая первая стадия женской инициации. Ее переживает каждая девочка с наступлением половой зрелости, когда ей предстоит отказаться от «материнской телесной опеки» [11, с. 105], чтобы осознать свою предначертанную полом роль. По словам немецкого психоаналитика Е. Полуды, «девочка, теряя мать, умирает как ребенок и рождается как женщина, если все проходит благополучно» [11, с. 109]. То есть, как следует из работ по психоанализу, женщине свойственно в той или иной мере оставаться в постоянной зависимости от матери, идентифицируясь с нею, что мы и можем наблюдать в анализируемых текстах. Так или иначе, встречающееся в текстах разных писательниц чувство обиды на мать зачастую сопряжено с пережитым когда-то ощущением отверженности, ассоциирующимся с потерей внутриутробного рая, как, например, в романе А. Малаховской («...и мама, – мягкая, теплая пещера, которая вытолкнула меня наружу из себя и этого не простить, хоть и очень надо простить, но не получается <...>» [7, с. 90].

Таким образом, с одной стороны, наблюдения свидетельствуют в пользу интерпретации материнско-дочернего конфликта женской прозы с точки зрения функционирования в них архетипа возрастной инициации. Этому способствует, например, и та подробность, что зачастую идиллический мир материнского у писательниц соотнесен с периодом детства героини, окрашенным благодатным слиянием с матерью. При этом отношение к матери окрашено эмоциями наслаждения, обожания, восторженности, как например, в повестях М. Крестовской «Ранние грозы» (1886), Е. Летковой «Чудачка» (1897); в рассказах Ю. Безродной «Серафима» (1901), О. Ольнем «Радость (из дамского дневника)» (1904), наконец, в уже упомянутом романе О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки», а также рассказе современного автора И. Васильковой «Садовница». Вспоминая детские годы в родительском доме, протагонистка приводит свои впечатления о матери: «Свою мать я боготворила. Любовь к ней граничила у меня с экзальтированным обожанием. Она была моим кумиром, моим идеалом. У меня в голове не поместилась бы даже мысль о том, что она может оказаться неправой, злобной или несправедливой» [2].

Подводя некоторые итоги, можно говорить о том, что писательницы фиксируют некий общий архетипический сюжет «любви-ненависти» между женщинами на уровне родового начала. Другой вопрос, какие смыслы заключает это повторяющееся в женском письме противоборство двух женских начал – матери и дочери? Запечатление неких глубинных подсознательных структур, по выражению Л. Иригарей, женского «подполья нашей истории» [3, с. 93], преодоление через письмо подсознательно затаившегося конфликта (подобная интенция артикулирована в рассказе Васильковой) или выражение надежды на восстановление истинной женской генеалогии, построение женской этики, свободной от патриархатных законов? Предпринятый анализ скорее свидетельствует в пользу того, чтобы на данные вопросы дать утвердительные ответы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биркхойзер-Оэри, С. Мать: архетипический образ в волшебной сказке/С. Биркхойзер-Оэри/Пер. с англ. 2-е стереотип. изд. – М., 2010.
2. Василькова, И. Садовница/И.Василькова//Новый мир. – 2007. – № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/7/va4.html (дата обращения: 18.02.2013).
3. Иригарей, Л. Этика полового различия/Л. Иригарей / Пер. с фр. А. Шестаков, В. Николаенков. – М., 2004.
4. Крестовская, М. Вне жизни/М. Крестовская//Русский вестник. – 1887. – №. 8-9.
5. Леткова, Ек. Об И.С. Тургеневе (Из воспоминаний курсистки)/Ек. Леткова//К свету: Научно-литературный сборник/Под ред. Ек.П. Летковой и Ф.Д. Батюшкова. – СПб., 1904.
6. Леткова, Ек. Отдых/Ек. Леткова//Русская мысль. – 1896. – № 1.
7. Малаховская, Анна Наталия. Возвращение к Бабе-Яге: Роман. – СПб: Алетейя, 2004.
8. Некрасов, А. Материнская любовь. Издание 6-е, переработанное и дополненное/А. Некрасов. – М.: АСТ, 2013.
9. Павлова, Н.И. Беллетристика Е.П. Летковой как явление русской женской прозы конца XIX – начала XX века: Дисс... канд. филол. наук./Н.И. Павлова. – Тверь, 2005.
10. Петрушевская, Л. Время ночь/Л. Петрушевская//Петрушевская Л. Жизнь это театр: Рассказы, роман. – М., 2009.
11. Полюда, Е. «Где ее всегдашнее буйство крови?» Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир»//Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования/Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. – М., 2003. – Вып. 3. – С. 101–135.
12. Роде-Даксер, К. Образ матери в психоанализе//Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования/Под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. – М., 2003. – Вып. 3. – С. 77–101.
13. Славникова, О. А. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки: Роман/О.А. Славникова. – М., 2006.
14. Чодороу, Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (часть III. Половая идентификация и воспроизводство материнства)//Антология гендерной теории. Сб. пер./Сост. и коммент. Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. – Минск, 2000.
15. Andrew, J. Mothers and Daughters in Russian Literature of the First Half of the Nineteenth Century/J. Andrew//The Slavonic and East European Review. – 1995. Vol. 73. – № 1.
16. Hirsch, M. The Mother/Daughter plot: narrative, psychoanalysis, Feminism/M. Hirsch. – Bloomington: Indiana University Press, 1989.
17. Engel, B. Rejecting the authoritarian family / B. Engel//Engel B. Mothers and daughters. Women of the intelligentsia in nineteenth-century Russia. – Cambridge, 1983.
18. Rich, A. Of Women Born: Motherhood as Experience and Institution/. Rich. – London, 1977.
19. Rosenholm, A. Gendering Awakening/A. Rosenholm. – Helsinki, 1999.

Л.В. Первушина

НАЦИОНАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ ГИБРИДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОЙНЫ ГАЛИЧ БАРР

Одной из отличительных особенностей развития глобализованного общества конца XX – начала XXI века является феномен *гибридизации*, который возникает в результате соприкосновения различных культур, их притяжения и взаимодействия, а также появления историко-культурных ценностей, сформировавшихся при взаимопроникновении и взаимовлиянии разных национальных и культурных традиций. Научные определения процесса гибридизации подчеркивают процесс сближения и соединения культур: например, «культура гибридная (*hybrid culture*) характеризуется проникновением других культур, взаимосвязью разных культур» [1, с. 201]; «культурная гибридизация – это смешение, взаимопроникновение и переработка элементов различных культур в определенном социокультурном пространстве» [2, с. 70] и т.д.

Феномен гибридизации во многом обусловлен процессами эмиграции/иммиграции/миграции и особенностями вхождения различных этнических групп в такое многонациональное и мультикультурное пространство, как США. Известно, что современное американское общество характеризуется активным включением разнообразных национальных, культурных и этнических голосов в свое историко-культурное, эстетическое и литературное пространство, в котором многочисленные формы взаимодействия культур порождают процессы гибридизации в результате смешения «различных идеалов, образов жизни, систем ценностей, перенесенных от разных культурных источников в молодую развивающуюся цивилизацию» [3, с. 31]. Перемещение внимания занимающихся этими вопросами исследователей «с концепций культурного плюрализма... к видению культуры США как «меланжа» обозначило принципиальную значимость *гибридности* или «*креольности*» [4, с. 278], подчеркнув не столько важность универсализации и